

села, однако, от силы и влияния человека при жизни. С почитанием умерших, вероятно, связаны и изображения человеческих фигур, так называемые телумы, найденные Маклаем во многих папуасских деревнях. В дневниках Миклухо-Маклая, кроме того, описаны обряды инициации и праздничные церемонии, музыкальные инструменты и связанные с ними поверья, общественные, или «мужские», дома.

Материалы Миклухо-Маклая приобретают особенный интерес потому, что ему довелось изучать культуру народа, стоявшего на низкой ступени развития, еще не затронутую в сильной степени внешними влияниями, а также потому, что отдельные этнографические факты он рассматривал в связи со всей общественной жизнью аборигенов.

В докладе «Искусство папуасов в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая» В. Р. Кабо (Ин-т этнографии) рассказал о большом значении этнографических исследований Миклухо-Маклая для изучения искусства папуасов Новой Гвинеи. В коллекциях, собранных Маклаем, много замечательных произведений папуасского искусства. Его рисунки, описания и коллекции дают ценный материал для изучения культуры целой этнографической области — Берега Маклая. Искусству этой области свойственны особые характерные черты, и ее можно рассматривать как самобытную «художественную провинцию». Все произведения искусства папуасов Миклухо-Маклай разделил на три категории, сумев различить в этом искусстве его основные характерные стороны: искусство бытовое, начатки идеографического письма и искусство культовое. Эта классификация до сих пор остается наиболее положительным опытом классификации произведений искусства отсталых народов. Миклухо-Маклай старался раскрыть роль искусства папуасов в их общественной жизни, и в этом еще одна ценная сторона его исследований. Он не только удачно систематизировал это искусство, но и в каждой из групп своей классификации вскрывал социальный подтекст. Ему важно было выяснить роль искусства в папуасском обществе, трудовой деятельности, обрядах.

Искусство папуасов свидетельствует об их художественной одаренности и подлинном мастерстве. Оно создавалось людьми, обладавшими лишь самыми примитивными орудиями, и на изучение этих орудий Миклухо-Маклай обратил пристальное внимание. Большое научное значение имеет открытие им у папуасов примитивной пиктографии — начальной стадии развития письменности. Наблюдения Миклухо-Маклая вскрывают самый процесс возникновения пиктографии. Помимо этого, у папуасов были обнаружены знаки, вырезаемые на деревьях, так называемые дендроглифы. Значение их не ясно, но Миклухо-Маклай рассматривал и их как начатки примитивного образного письма.

Миклухо-Маклай проявил большой интерес к телумам — антропоморфным изображениям из дерева или глины. В вопросе о телумах до сих пор много загадочного. Возможно, что их происхождение связано с культом предков и с зарождающимся социальным расслоением. Очень интересны также в коллекциях Маклая культовые предметы и предметы мужского обихода с изображением стилизованного лица. Особенное внимание ученого было обращено на татуировку папуасов и меланезийцев. Он изучал не только узоры, но и самый способ татуировки. В его выводах, сделанных в этой связи, о влиянии полинезийской культуры в юго-восточной части Новой Гвинеи было много верного.

Интерес Миклухо-Маклая к искусству папуасов, меланезийцев и других народов Океании является хорошим примером как для этнографов, так и для всех, кто желает расширить свои представления о мировом искусстве.

Исследования Н. Н. Миклухо-Маклая и поныне сохраняют свою большую научную ценность.

В. Р. Кабо

ТУВИНСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В 1957 г. начала работу новая экспедиция Института этнографии АН СССР — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция, являющаяся преемницей Саяно-Алтайской этнографической экспедиции института, участники которой работали в Горно-Алтайской, Хакасской и Тувинской автономных областях, а также в районе расселения шорцев (бассейны рек Мрассы и Кондомы) в горах Кузнецкого Алатау. Новая же экспедиция сосредоточит свою работу главным образом на территории Тувы.

Главной задачей Тувинской экспедиции является изучение этнического состава и древней этнической истории тувинского народа по этнографическим, археологическим и палеоантропологическим материалам. Проблема происхождения и этнического состава тувинцев тесно связана с более крупной исторической проблемой. Речь идет о проблеме этногенеза народов Центральной Азии, разработка которой имеет важное значение для этнической истории и истории культуры ряда народностей Советского Союза — казахов, киргизов, уйгуров, алтайцев, хакасов, тувинцев и др., а также для истории племен и народностей Монголии и Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики. Территория Тувы и ее население играли существенную роль в жизни ряда

тюркоязычных и монголоязычных племен и народностей как в древнюю, так и в средневековую эпохи. Полевые этнографические и археологические материалы экспедиции составят основу для создания трудов как по этногенезу, так и по истории тувинцев; необходимость в таких трудах уже давно ощущается, что отмечено в решениях местных партийных и советских организаций.

Исследование вопросов этнической истории и этнического состава является одной из наиболее важных и сложных задач изучения того или иного народа. Советские этнографы разработали комплексный метод исследования этой трудоемкой проблемы, опирающийся на привлечение различных источников: этнографических, археологических и антропологических материалов; данных языка, фольклора, топонимики; письменных исторических памятников. Только такой комплексный подход может привести к успешному решению этой задачи. Исходя из этого, Институт этнографии АН СССР уделяет все больше внимания организации комплексных экспедиций для изучения этнического происхождения тех или иных народностей. При этом в ряде экспедиций Институт ведет своими силами и археологические работы. Профиль археологического изучения памятников в комплексных экспедициях Института имеет некоторую специфику по сравнению с экспедициями чисто археологическими. Для комплексных археолого-этнографических экспедиций весьма большое значение имеют поздние археологические памятники, особенно периода XVI—XIX вв., которые, как правило, не привлекают внимания археологов. Поздние памятники, как показывает опыт нашей работы на Саяно-Алтайском нагорье, дают возможность расширить хронологически этнографическую характеристику изучаемой народности, проследить хронологическое сходство или изменения в ее материальной культуре, позволяют хорошо связать этнографический материал с археологическим. Важным является и то обстоятельство, что эти памятники исследуют и изучают обычно археологи, которые хорошо знают и местный этнографический материал. Благодаря этому порой резко сокращается количество так называемых археологических «загадок», возникающих главным образом потому, что археологи не всегда знают этнографический материал. Летом 1957 г., когда мы вели раскопки поздних погребений (XVII—XIX вв.), а также могильников VII—IX вв., в погребальном инвентаре обнаружили на первый взгляд совершенно непонятные предметы. Но при внимательном рассмотрении они оказывались предметами кочевнического быта, еще не вышедшими из употребления и у современного тувинского населения. Например, в древнетюркском погребении¹ был обнаружен стержень из кости, оказавшийся застежкой от конских пут (сделанных из конского волоса), которые надевают на передние ноги лошади. Участвовавшие в раскопках тувинцы-рабочие быстро принесли из своих юрт современные конские путы с точно таким же костяным стерженьком, который при отсутствии волосяной веревки, сгнившей в погребении, без такого сравнения легко мог остаться предметом «неизвестного назначения».

Уже в первый сезон нашей полевой работы, когда был вскрыт ряд погребений XVII—XVIII вв., мы убедились в том, что довольно многочисленный и разнообразный хозяйственный и бытовой инвентарь, обнаруженный при раскопках, не содержит ни одного предмета, который отсутствовал бы в современном домашнем быту тувинцев. Отсюда ясно, что археологический материал, найденный нами в поздних погребениях, дает возможность восстановить во многих чертах быт тувинцев XVII в., о котором ничего не известно из письменных или литературных источников. Археологический материал этого рода позволяет установить преемственность домашнего быта и культуры тувинцев XVII и начала XX в. и дает основание утверждать, что и в XVII в. в районе Монгун-Тайги, где мы вели археологические работы, жили тувинцы с характерным для них кочевническим бытом. Таким образом, Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция вводит в научный оборот новый и ценный вид археологических памятников — поздние погребения, являющиеся важным историческим источником для периода XVII—XIX вв.

Необходимо обратить внимание и на то, что к постановке проблемы происхождения тувинцев мы подошли лишь только после того, как была проделана подобная работа по смежным с Тувой районам. В течение многих лет мы изучали вопросы этнического состава и происхождения различных племенных и этнических групп южных и северных алтайцев, затем различных групп хакасов. Нами были изучены в отношении их этнического состава западные, северо-западные, северные и северо-восточные соседи тувинцев, что было весьма необходимо для выяснения этногенеза тувинского народа. Население Тувы находилось в постоянном и тесном контакте со своими соседями, смешиваясь и скрещиваясь с ними, и это не могло не отразиться на этническом составе тех и других. Мы надеемся, что параллельно с исследованием тувинцев нам удастся провести такую же работу и в отношении их восточных и южных соседей. Только при этих условиях мы сможем получить наиболее полные результаты, на которые можно будет смело опираться при выяснении этнического состава тувинцев.

Тувинская комплексная экспедиция начала работу в составе двух отрядов: этнографического и археологического. Руководство всей экспедицией и ее этнографическим отрядом было возложено на меня. Вместе с П. И. Каралькиным мы и вели в основном всю этнографическую работу. Руководство археологическим отрядом было возложено

¹ Об этом погребении и найденных в нем предметах, в частности бронзовом китайском зеркале, см. статью А. Д. Грача «Древнетюркское погребение с зеркалом Циньвана в Туве», «Сов. этнография», 1958, № 4.

на А. Д. Грача, являющегося одновременно и заместителем начальника экспедиции. Раскопки вели А. Д. Грач и В. П. Дьяконова, на долю которой выпала основная работа по расчистке погребений и инвентаризации погребального инвентаря и костного материала. Кроме научных сотрудников — этнографов и археологов, — в состав экспедиции в 1957 г. входили два архитектора-художника и фотограф, а также некоторые работники Тувинского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории.

В 1957 г. экспедиция вела полевую исследовательскую работу в наиболее отдаленном и труднодоступном районе Тувы — Монгун-Тайге, автомобильное сообщение с которым из других районов Тувы ведется транзитом через Монголию. Монгун-Тайга — высокогорный район. Долина р. Каргы, где работала экспедиция, находится на высоте 1800 м над уровнем моря. В этой долине расположен животноводческий колхоз «Малчын» (скотовод), объединяющий 317 семей. Общая численность колхозного стада — овец, сарлыков (яков) и лошадей — почти 40 тыс. голов. Способ содержания скота пастбищный в течение круглого года, так как здесь нельзя производить сенокосение. Пастбищному содержанию скота способствует то, что зимой здесь выпадает мало снега и он сдувается постоянными ветрами. Но такой способ содержания скота вынуждает тувинцев-колхозников к периодическим перекочевкам из одной долины в другую в зависимости от наличия корма на пастбищах. А это обстоятельство приводит к тому, что здесь сохраняются многие элементы старого кочевого быта, приспособленного в течение ряда столетий к пастбищному скотоводству. Подавляющее большинство колхозов и теперь не только летом, но и зимой живет в войлочных переносных юртах. Кочевой образ жизни отрицательно сказывается на темпах развития благоустроенного нового быта, развития культуры колхозников. Колхоз «Малчын» прилагает усилия к внедрению, по возможности, оседлого быта и сделал уже первые успешные шаги в этом направлении. Этнографическая работа экспедиции велась преимущественно среди населения, объединившегося в этот колхоз.

Район Монгун-Тайги в отношении археологии и этнографии совершенно не изучен. Нет о нем сведений и у путешественников-географов. Это — «белое пятно» на археологической и этнографической карте Тувы. Монгун-Тайга административно относится к Байтайгинскому району Тувинской автономной области; центром является поселок Мугур-Аксы, где находится сельский совет, правление колхоза, почта и телеграф, больница, магазины и т. д. Вблизи этого поселка наша экспедиция раскинула свой лагерь, — сначала ниже поселка, по течению р. Каргы, а затем — выше.

Этнографический отряд прежде всего приступил к детальному и углубленному изучению материальной культуры тувинцев, стараясь ничего не упустить для подробного описания, зарисовок и фотографирования. Эта трудоемкая и кропотливая работа иногда доставляла ее участникам радость открытия тех или иных новых для нас фактов из быта тувинцев. Так, оказалось, что до сего времени тувинцы в большом количестве заготавливают семена растения «үргене» (*Polygonum viviparum*), которые жарят и обрабатывают так же, как и просо, и делают из него излюбленный «талкан» (толокно). Удалось подробно записать способ умерщвления барана на мясо, разделки туши, наименование всех частей мяса и внутренностей, порядок распределения их между родственниками и гостями и т. д. Благодаря этому мы обнаружили древние архаические обычаи распределения мяса у тувинцев, связанные еще с первобытно-общинными порядками кочевников-скотоводов. Из мяса, крови и внутренностей барана тувинцы готовят около 50 видов пищи, обозначаемых специальными терминами. Подробно описаны нами молочные и другие виды народной тувинской пищи. Описаны также одежда, жилище и его обстановка, утварь и т. п. Любопытно, что в процессе детального изучения и описания жилища мы натолкнулись на весьма интересный народный способ счисления дневного времени летом по солнцу, в зависимости от того, какой предмет в юрте освещен им.

Различают следующие части суток: 1) танг хаязы — брезжит рассвет; 2) тангадып келир — посветлело или рассвело; 3) хун унуп келир — «пришло» солнце (восход); 4) эртен эрте — раннее утро, когда в юрте еще нет солнца; 5) эртен хун храачыга турды — утро; солнце на «хараче» (дымовом круге); 6) хун улунга турды — солнце на «улунах» (жердях купола юрты); 7) хун хана божында турды — солнце на верхушке «хана» (решетки юрты); 8) хун сыртык божында турды — солнце у изголовья постели (сыртык — «подушка»); 9) хун тожек ортузында турды — солнце в середине постели; 10) хун бут адаанда турды — солнце «за ногами» постели; 11) хун элгиргэе турды — солнце на полках для посуды (у дверей); 12) хун чугуруунде кирген — солнце бежит (быстро заходит); 13) хун ашкан — солнце «упало» (закат); 14) кежээликтой — вечереет; 15) кежэе — вечер; 16) чырык имир — светлые сумерки; 17) каран имир, или орай кежэе, — темные сумерки или поздний вечер; 18) тун — ночь; 19) тун ортузу — середина ночи, полночь.

В соответствии с этим народным счислением времени летом производилась главная хозяйственная работа — пастьба скота. Когда солнце освещало харач, женщины начинали доение скота. Когда солнце «выходило» на верхушки решетки хана, пастухи гнали скот от аала, так как к этому времени доение скота заканчивалось. Когда солнце «выходило» на изголовье постели, пастухи уже находились на самом дальнем расстоянии и поворачивали стадо обратно к аалу. Затем, когда солнце освещало середину постели, пастухи подгоняли скот близко к аалу, а сами шли обедать. Когда же солнце освещало в юрте место за постелью, женщины выходили из юрт и привязывали

к веревкам телят, ягнят и козлят, сосущих маток, готовясь к доению, а пастухи в это время пригоняли скот в аал и на этом заканчивали дневную пастбу скота, содержащегося при аале. К тому времени, когда солнце освещало полки с хозяйственной посудой, доение заканчивалось, и скот оставался у юрт. Пастухи только время от времени выходили из юрты, чтобы посмотреть, не отбились ли отдельные животные и не ушли ли далеко от юрт.

Описанное счисление времени по солнцу указывает также на то, что в ориентировке юрты и в расположении в ней домашней утвари у тувинцев наблюдалось постоянство. Пастухи в дневное время на пастбищах чертили на земле схематический план юрты, на который наносили предметы, служащие для счисления времени (кровать, полки для посуды и т. д.). Затем посреди чертежа втыкали прутик и по тени от него, отбрасываемой на тот или иной предмет, изображенный на чертеже, следили за временем и рассчитывали, когда пригнать скот к юртам для доения.

Этнографическому отряду попутно с намеченной программой работ экспедиции удалось собрать яркий и ценный материал по некоторым видам горных молений тувинцев, бытовавшим здесь до начала 1930-х годов, по молениям, связанным с посвящением «ыдыка» — лошади, быка или козла — «хозяевам» гор, «хозяину» огня и т. д. Выдающийся интерес представляет описание лечения больного у каменных изваяний (так называемых каменных баб). О почитании каменных изваяний в Туве можно было предполагать по неопубликованным фотографиям, хранящимся в Государственном музее этнографии в Ленинграде, изображающим каменных баб с повешенными на них ленточками. Однако ничего конкретного о характере этого почитания не было известно. В Монгун-Тайге мы записали со слов старухи Тонгок Анай рассказ о молении «кбже тагыр», на котором она неоднократно присутствовала. Это моление устраивали в том случае, если хозяин дома тяжело и долго болел и обычные моления, как и его ыдык, не помогали больному. Делалось это по совету шамана или лама. К такому молению семья больного должна была специально готовиться. Нужно было заколоть барана, а в богатых семьях — двух или трех баранов, выкурить большое количество араки. На это моление собирались все жители данного аала, приезжали и из соседних селений. Приезжающие везли с собой араку, мясо, сыр. В день моления шаман и лама с больным, его семьей и со всеми собравшимися выезжали к какому-нибудь старинному каменному изваянию (кбже). Обычно для этой цели выбирали наиболее солидную и прочную каменную фигуру, которая не поддавалась действию времени.

Подъехав к статуе, все располагались на земле близ нее, а шаман или лама проходили вплотную к фигуре, за оградку из камней, которой обычно окружены каменные бабы в Туве. Никто из присутствующих, кроме шамана или лама, не мог переступить через эту оградку. Перед лицом каменного изваяния, вне оградки, у ее края, складывали из камней небольшой жертвенник — курильницу (сангалыр), на котором жгли вереск. Все присутствующие сидели, обратясь к лицу каменной фигуры. Шаман или лама окуривали статую вереском, мыли и кропили ее водой из источника, после чего статуя считалась очищенной. Далее больного подводили к самой статуе (за оградку), обвязывали его «ялама» — шнурком с цветными лентами, пропуская шнурок по груди и плечам больного и укладывали его к подножию изваяния. Шаман же или лама в это время обращался к каменной фигуре с просьбой помочь больному избавиться от болезни. Тонгок Анай передала своими словами это обращение шамана: «Ты был великим человеком, кбже, просим тебя помочь бедным людям и взять к себе их болезнь, послать им благополучие». В это время больной приподымался и прикасался к каменному изображению грудью, головой, рукой, ногой, стараясь прикоснуться именно тем местом, в котором он ощущал боль. Шаман или лама в это время окуривали больного вереском. Затем его выносили или выводили из каменной оградки и помещали вблизи статуи среди остальных присутствующих. Ялама с больного снимали и вешали на статую. Вот каким образом на каменных бабах Тувы от времени до времени появлялись цветные ленточки — ялама. Верили, что кбже принял болезнь на себя. Начиналось угощение присутствующих вином, мясом и пр. Считалось обязательным первую порцию из каждого принесенного сосуда вина преподнести кбже, окропив его несколькими каплями, испрашивая про себя в это время благополучие больному. После угощения все расходилось по домам. Каменная фигура с ленточками называлась теперь «ыдык кбже», и никто к ней не смел прикасаться. Ленточки висели на ней до тех пор, пока не истлевали и не сваливались.

Следует подчеркнуть, что, по словам тувинцев старшего поколения, во всех религиозных обрядах в Монгун-Тайге, как правило, участвовали одновременно лама и шаманы, причем лама читал буддийские молитвы по книге, а шаман камлал с бубном.

Нами были осмотрены и изучены некоторые уже бездействующие и разрушающиеся жертвенники «ова», расположенные на высоких горах. Характерно, что нас сопровождала Тонгок Анай, сообщившая много интересных сведений. Этот факт весьма показателен, если вспомнить, что в недалеком прошлом тувинская женщина не могла принимать участия в горных молениях и ей строго было запрещено подниматься на священные горы и приближаться к жертвенникам. Материал по молениям и обрядам, собранный нами, особенно ценен тем, что он, как мы надеемся показать, имеет много общего с известными обрядами древних тюрков Алтае-Саянского нагорья и является важным этнографическим источником для выяснения этногенетических и историко-культурных связей современных тувинцев с древними тюркскими племенами. Специальное внимание было уделено выяснению родоплеменного состава тувинцев Монгун-

Тайги, а также их культурных связей с населением соседних районов Алтая и Монголии. Старшее и среднее поколение современных тувинцев — жителей Монгун-Тайги — хорошо помнит свою родоплеменную принадлежность, и зафиксировать это нам было довольно легко.

Интересный материал получен по историко-культурным связям тувинцев с алтайцами и монголами-дербетами. Оказалось, что общение с теленгитами южного Алтая, частично с телесами восточного Алтая, у тувинцев Монгун-Тайги, как и всего Байтайгинского района, в течение ряда столетий было постоянным, несмотря на наличие в прошлом государственной границы. Эти связи продолжают и в настоящее время. Алтайцы и тувинцы вступают во взаимные браки, ездят друг к другу в гости и т. д. Любопытно, что многие эпитеты и наименования различных духов-божеств, упоминаемых в мистериях алтайских шаманов, которые исследователи алтайского шаманства обычно переводили, исходя из этимологии алтайского языка, оказались в действительности топонимическими тувинскими терминами. Так, имя часто упоминаемого алтайскими шаманами божества Бай-Тайги обычно переводилось — «богатая тайга», а на самом деле — это реально существующий большой, почитаемый тувинцами хребет Бай-Тайга, который прославлялся алтайскими и тувинскими шаманами. Так же обстоит дело с названием озера Сүт-Коль, в котором, по описанию шаманов, купаются некоторые духи или божества. Предполагали, что это просто шаманский образ мифического «молочного» озера. На деле же — это реально существующее под таким названием озеро, находящееся близ верховьев р. Алаша (приток Кемчика). Кстати сказать, и р. Алаш также упоминается в алтайских шаманских призываниях.

Связи тувинцев Монгун-Тайги с западными монголами-дербетами осуществлялись довольно легко вследствие благоприятных географических условий. Влияние западных монголов на культуру и быт тувинцев Монгун-Тайги отражено в терминологии жилищ, его обстановки и других явлений материальной культуры тувинцев, которую мы тщательно собирали, и дает весьма интересный материал о давних и тесных связях монголов и тувинцев Монгун-Тайги. Вероятно, и в этническом составе тувинцев удастся обнаружить монгольский элемент; у западных монголов мы также вправе ожидать заимствований из быта тувинцев и тувинскую этническую примесь. Однако это — дело дальнейшего изучения.

В программу работы этнографического отряда нашей экспедиции входит изучение современной социалистической культуры и быта тувинцев. В Институте этнографии изучение социалистической культуры и быта народов Советского Союза с каждым годом занимает все более и более прочное место. Расширяется и углубляется тематика такого изучения. Тувинская комплексная экспедиция также стремится полнее и глубже исследовать процесс социалистических преобразований в Туве, которая в этом отношении дает яркий и интересный материал, так как здесь совершается переход к социалистической культуре и быту непосредственно от весьма архаических форм, имеющих длительную традицию.

Первый сезон полевой работы Тувинской комплексной экспедиции позволяет рассчитывать, что исследовательские задачи и программа работ будут выполнены и дадут плодотворные научные результаты. В дальнейшем экспедиция сосредоточит свое внимание на изучении других районов Тувы, из которых северо-восточные и восточные представляют выдающийся интерес. Материалы полевых исследований обоих отрядов экспедиции, как и их отчеты, будут публиковаться в «Трудах Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», первый выпуск которых уже готовится к печати.

Л. Потанов

РАСШИРЕННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ СЕКТОРА КАВКАЗА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

24—26 февраля 1958 г. в Институте этнографии АН СССР состоялись три расширенных заседания сектора Кавказа, в которых приняли участие кавказоведы различных специальностей из других институтов Академии наук, сотрудники кафедры этнографии Московского университета и музейные работники г. Москвы.

На заседаниях было заслушано 11 докладов.

М. О. Косвен в докладе «Историк и этнограф адыгейского народа Хан-Гирей», основанном почти исключительно на свежих архивных материалах, привел подробные биографические сведения о жизни и работе первого адыгейского историка Хан-Гирея (XIX в.), перечень его печатных и рукописных трудов. Докладчик проследил сложную судьбу некоторых из рукописей Хан-Гирея, считавшихся ранее утраченными, и даже нашел отдельные рукописи. Проанализировав литературное наследие адыгейского историка, докладчик дал ему высокую оценку, отметил, что в большинстве своих этнографических и исторических сочинений Хан-Гирей стоял на довольно прогрессивных для своего времени позициях. В прениях, открывшихся по докладу, исследование